

Современные
рассказы
о любви

ПРИВЫЧКА ЖЕНИТЬСЯ

*Современные рассказы
о любви*

Мария МЕТЛИЦКАЯ

Олег РОЙ

Маша ТРАУБ

и другие

Москва
2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С56

Оформление серии *А. Дурасова*
Оформление обложки *С. Прохоровой*

С56 **Современные** рассказы о любви. Привычка
жениться : сборник / Мария Метлицкая, Олег
Рой, Ариадна Борисова, Маша Трауб и др. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. —
(Современные рассказы о любви).

ISBN 978-5-699-88684-5

История любви, изложенная в рассказе, ничем не уступает любовной истории большого романа. Сборник рассказов о любви — это возможность получить многократное удовольствие от одной книги, ведь историй-то больше! О любви драматической и счастливой, романтической и растворенной в быте пишут современные писатели, как именитые — Мария Метлицкая, Маша Трауб, Олег Рой, так и менее известные, но отнюдь не менее талантливые. Каждый рассказ этих авторов — замечательный образец современной любовной прозы.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Метлицкая М., Гольман И.,
Куликова Г., Арсеньева Е.,
Резепкин О., Карпович О.,
Корсакова Т., Борисова А.,
Туrowsкая М., Ройтбурд Л.,
Трауб М., 2014
© Оформление.

ISBN 978-5-699-88684-5

ООО «Издательство «Э», 2016

Мария МЕТЛИЦКАЯ

Неподходящая партия

Гриша Райцигер, двадцатилетний худосочный и вполне носатый юноша, студент четвертого курса пединститута (факультет русского языка и литературы), блаженно дремал в провисшем глубоком гамаке под щедрой тенью густых сосен. Двенадцать дней. Жара стояла невыносимая. Сквозь некрепкий сон — только-только начал проваливаться глубже — он услышал резкий, впрочем как обычно, голос мамы Инессы Семеновны. Вместе с назойливой мухой вялым движением руки он пытался отогнать решительный и неприятно громкий окрик матери, отлично понимая, что сделать это вряд ли удастся. Он с тяжелым вздохом открыл глаза и крикнул ответное:

— Ну? — Получилось довольно пискливо.

Инесса Семеновна в открытом, ярком, цветастом сарафане, в белой панаме на пышных волосах стояла на крыльце руки в боки. Любимая поза.

Гриша начал вылезать из гамака, как всегда, запутался тощими ногами и плюхнулся носом в

теплую, пахнувшую сосновыми иголками землю. Мама усмехнулась, но падение (странно) не прокомментировала.

Наконец Гриша поднялся, отряхнулся, надел упавшие очки и повторил свое невежливое «Ну?».

— Собирайся, — коротко скомандовала Инесса Семеновна. — Потом будет перерыв в электричках.

Она круто развернулась и вошла в дом.

Гриша оглядел участок и тяжело вздохнул.

С одной стороны, уезжать с дачи в такую жару было глупостью — заслуженные каникулы, утренний сон до одиннадцати, холодный свекольник, дневной сон в любимом гамаке, вечером до бесконечности книги — в данный момент, например, Дюрренматт, — ночное сидение на балконе второго этажа и бесконечные мечты, мечты, мечты...

Мечтал Гриша, конечно, о любви. Вообще-то ему нравились женщины нежного типа, похожие на молодую Инессу Семеновну (привет, старичок Фрейд!), безоговорочно признанную красавицей всеми, в том числе и недоброжелателями. Тип юной Джинны Лоллобриджиды или Софи Лорен, нет, скорее всего, все-таки Джинны — у Софи слишком хищное лицо. Непременно тонкая талия, покатые плечи, аккуратная, но выраженная грудь, да, конечно бедра, это уж наверняка. Следует добавить прелестное глазастое лицо, аккуратный носик и крупный подвижный рот.

Итак, Гриша представлял себе эту сладостную картину: рядом с ним — молодая красотка, джинсы в облипочку, открытая майка, восхитительная грудь, упругая даже на взгляд, и копна темных, слегка вьющихся волос.

На деле же он вяло флиртовал с одногруппницей Олей Якушевой — бледной до синевы, с торчащими, как у зайца, передними зубами, жидкой челкой невнятного цвета и металлическими очками с сильными диоптриями. Оля единственная из всех имевшихся поблизости девиц с радостью откликалась на Гришины ухаживания. В принципе, они вполне могли стать парой. Этакие брат с сестрой (такие часто встречаются): оба некрасивые, невзрачные, в болтающихся на тощих задах чехословацких джинсах. Оба, кстати, умные, что важно, любители поэзии Серебряного века. Но Оля Олей (куда она денется?), а мечты мечтами. Мечтать, как говорится, не вредно.

Итак, из положительного — вечная прохлада, книги, сон, мечты и покой. Хотя покой — это вряд ли. Мама всегда начеку: три раза в день — клубника с молоком, от которой уже подташнивает, и бесконечная жажда общения. Инна Семеновна была любительницей поговорить.

В Москву и хотелось, и не хотелось. Там, конечно, телефон — но все приятели в основном успели смотаться на юга или в Прибалтику, Оля... Да бог с ней, с Олей!

Можно пойти вечером в кино или просто помотаться по центру. Зайти, наконец, в букини-

стический — там Гриша мог проторчать и час, и два. Можно сходить в Пушкинский — там наверняка есть новая экспозиция, — выпить чаю в кафе «Аромат» — на модную «Адриатику» денег, увы, не было.

А с другой стороны — жара, лень. Но — лень не лень, а в Москву ехать было надо. Даже необходимо, так считала Инесса Семеновна.

Дело в том, что все лето в московской квартире шел ремонт. Теперь дело подходило к концу, Инесса Семеновна страшно нервничала и делегировала три раза в неделю мужа, посмотреть, что и как, но в глубине души ему не очень доверяла, считая его человеком непрактичным и крайне невнимательным в подобных делах (что, впрочем, было вполне правдой). Сама она весь месяц в Москву ехать отказывалась — жару она действительно переносила с трудом.

Сыну своему Грише, прозванному в детстве «Человек рассеянный с улицы Бассейной», она тоже, мягко говоря, не доверяла — но поездка в Москву в душной электричке страшила еще больше. Впрочем, Инесса Семеновна понимала, что окончательной приемки работы ей не избежать, но это будет, по ее подсчетам, примерно через неделю. И может быть, жара тогда уже спадет? Дай-то бог! Гришу она отправляла с одной целью: заплатить маляршам за помывку окон и уборку основной послеремонтной грязи. А дальше она разберется сама.

Есть чудная женщина, пожилая, но шустрая, которая и натрет полы, и вымоет хрусталь, и по-

чистит ковры, и возьмет за это совсем немного. Инесса Семеновна приглашала ее два раза в год — на генеральную уборку. Но это будет позже.

Итак, она давала сыну указания — на что нужно обратить внимание и что проконтролировать, — Гриша слушал нехотя и вполуха.

Потом, утомившись, он раздраженно кивнул:

— Да понял, мам!

Инесса Семеновна тяжело вздохнула. У калитки она протянула Грише десять рублей — маляршам — и добавила еще пятерку:

— Это тебе, где-нибудь поешь, холодильник-то в квартире отключен.

Гриша клюнул мать в щеку и направился к станции.

На Казанском мрачного вида человек в клетчатых брюках предложил ему блок сигарет «БТ» — страшный дефицит. Гриша был человеком некурящим, но покуривающим — так, в компании, для понтов. От блока он решительно отказался, а вот пару пачек купил — так, чтобы было.

Входная дверь в квартиру была оклеена газетами, а на резиновом коврикe у двери виднелись белые следы, сигнал, что в квартире идет ремонт. Дверь закрыта не была — только прикрыта, и из квартиры раздавались громкие звуки радио — что-то задорное и залихватское исполнял детский хор.

Гриша зашел в прихожую и увидел сбитые деревянные козлы, а на них — молодую жен-

щину в синих трениках, закатанных до колен, и в голубом, в мелкий цветочек бюстгалтере, с влажными пятнами под мышкой.

— Ой! — вскрикнула малярша и ярко покраснела под белой пудрой побелки. — Жарко! — объяснила она, спрыгнула с козел и проскочила на кухню.

Все, что запомнил Гриша, — это белая, всколыхнувшаяся от движения очень большая грудь малярши и простой крестик на веревочке на полной шее.

— Заходите! — крикнула она с кухни.

Когда он зашел, на малярше был уже короткий пестрый халатик.

— Ой, простите! — опять смущенно повторила она.

Гриша был страшно горд: если эта молодая женщина так смущена, значит, она явно видит в нем не мальчика, но мужа.

Он важно кашлянул и протянул ей руку:

— Григорий.

Она посмотрела на свою руку, испачканную в побелке, обтерла о халат и опять зарделась, протянув ему свою маленькую, пухлую ладонь:

— Люба.

Они помолчали, а потом Люба затараторила и повела его по квартире, показывая плоды своего труда.

— Ну, как вам обои? — барабанила она. — А эти в цветочек, в спальне, нежные, да?

Гриша важно, со знанием дела кивал.

Потом она потащила его в уборную.

— А унитаз? Да? — почему-то очень радовалась она. — Салатный, да? Модный такой. Югославский, — с уважением добавила Люба.

В уборной Гриша окончательно смутился.

Потом она продемонстрировала плитку на кухне, новый линолеум на полу — и так активно радовалась, словно это была ее собственная, обновленная и посвежевшая квартира.

— А чаю? — вдруг всплеснула руками она. — Или квасу? Правда, он теплый, — искренне расстроилась Люба.

Гриша кивнул, ничего, мол, в самый раз. Они сели на табуретки, тоже покрытые газетами, и стали молча пить теплый и кислый квас.

Тут в кухню вошла высокая худая девица с неприятным хмурым лицом.

— Здравствуйте, — недовольно процедила она. И хмуро добавила: — Сказали же, еще три дня. Папаше вашему сказали.

— Это Зина, напарница, — объяснила торопливо Люба. Было видно, что ей неловко.

— Да я, собственно, по делу, — кашлянул Гриша, стараясь говорить басом.

Зина посмотрела на него с усмешкой. Хозяйина в нем она явно не видела.

— Мама, в смысле Инесса Семеновна, просила вас попросить («Тьфу, — подумал он, — какая тавтология!» — и еще больше смутился) ... Ну, в общем, окна помыть и вынести все это. — Гриша обвел руками пространство.

— Ясно, — зло ухмыльнулась Зина. — Сколько?

Гриша полез в карман джинсов и вынул смятую десятку.

— Ну, знаете! — обиделась Зина.

Тут вскочила Люба и испуганно затараторила, смущаясь за подругу:

— Да ладно, Зин, ты чего, все нормально, уберем, конечно, и окошки вымоем, да Зин, ну чего ты!

Зина опять недобро усмехнулась и мотнула головой:

— Ну и паши, если охота.

Она бросила окурок в стеклянную банку из-под майонеза и вышла, громко хлопнув входной дверью.

— Не обижайтесь на нее, — оправдывалась Люба. — Жених у нее сбежал, — вздохнула она. И горестно добавила: — К подруге ведь сбежал, гад.

Окончательно обескураженный Гриша махнул рукой:

— Ладно, чего там! В общем, я пойду по делам. До вечера.

Люба проводила его до двери:

— Да не волнуйтесь вы!

— Да я и не волнуюсь, собственно, — попытался пробасить Гриша.

Целый день он мотался по городу, сходил в киношку, два раза съел по порции «Ленинградского». К вечеру, когда жара чуть спала, но город, конечно, остыть так и не успел, он вернулся домой.

В квартире было тихо. Газеты и картонки исчезли, оконные стекла поблескивали, мусор был собран в картонную коробку из-под телевизора. Люба сидела на кухне и спала, положив голову на стол.

— Добрый вечер, — кашлянул Гриша.

— Ой, — она вскинулась и вскочила. — Ой! Поздно-то как! Ну, буду собираться, — засуетилась она. — Завтра только плитуса в коридоре докрасу, и, можно сказать, дело сделано.

Гриша достал из сумки бутылку белого «Арбатского» и кусок российского сыра.

— Ну, чего вам в ночь ехать, если завтра с утра приезжать? Разместимся как-нибудь, места хватит, — удел он и отводил глаза.

— Правда? — обрадовалась малярша. — И то верно, и устала я здорово, честно говоря. Живу-то за городом, в Одинцове.

Гриша неловко нарезал крупными кусками сыр. Долго искали штопор, так и не нашли, протолкнули пробку внутрь бутылки и налили тепкое вино в чайные чашки. Опьянели сильно и сразу — жара, усталость, обоюдное смущение...

Потом Гриша, пошатываясь, пошел в родительскую спальню и, чертыхаясь, пробовал отыскать белье и подушки. Предусмотрительная мама все упаковала. Наконец он что-то нашел, постелил в своей комнате и в родительской, позвал Любу — она вышла из душа, влажная, с мокрыми волосами, завернутая в простыню.

Ночь они, конечно, провели вместе. Неискушенный Гриша был потрясен. Такого в его жиз-

ни еще не было. Весь его малый, нехитрый и ничтожный опыт был перечеркнут раз и навсегда. Ему показалось, что она вся восхитительна — и кожа, и волосы, и губы, и ее тихое поскуливание, и негромкие вскрики, и смешные наивные слова, которые она шептала ему в ухо.

Он чувствовал себя героем, завоевателем, победителем, полубогом. Впервые это была не детская возня с опаской, что в соседней комнате — родители, не всеобъемлющий ужас, что может что-то не получиться, не страх, не гадливая, стучащая молотком в голове мысль, что он не успеет, не поймает и дело закончится *беременностью* — ужас! Не страх, что его обсмеют, раскритикуют, уничтожат. Впервые это было не по-детски, а серьезно и обстоятельно. Впервые он был мужчиной, и рядом была женщина. Желанная женщина, которую, как ему казалось, он делает счастливой. И она в этом его горячо убеждала.

Утихомирились они под утро и крепко уснули, а проснулись от стука двери и громких возгласов Зины:

— Любка, ну где ты есть, сукина дочь?

Люба вскочила, накинула халат, а в этот момент дверь распахнулась, и на пороге возникла злющая Зина с сигаретой в зубах.

— Так, все ясно, — сквозь зубы процедила она, оценив ситуацию. А потом хохотнула: — Шустрая ты, подруга. Только это тебя не спасет. Хозяйка с тебя по полной спросит, не сомневайся. И никакие адвокаты, — она усмехнулась и

кивнула на Гришу, — не помогут. А может, даже и наоборот, — грозно добавила она и вышла из комнаты.

Грише все было до фонаря — он смотрел на растерянную Любу и любовался ею. Все ему нравилось в ней: и мягкие круглые бедра, и большая, чуть отвисшая грудь с крупными бледно-розовыми, едва различимыми сосками, и полноватые крепкие ноги, и маленькие сильные руки с коротко остриженными ногтями, покрытыми красным лаком, и короткие тонкие и легкие светлые волосы, и яркий румянец на круглом лице, и серые глаза, курносый нос, и мелкие конопushки...

— А ты красавица, — вздохнул Гриша и, вытянувшись, положил руки под голову.

— Какое там! — махнула рукой расстроенная появлением подруги Люба.

— Красавица! — уверенно подтвердил Гриша. — Мягкий среднерусский тип. Неброский, но самый милый, — разглагольствовал новообразованный казанова.

Целый день девушки что-то подкрашивали, подмазывали, оттирали растворителем краску со стекол и дверных ручек, опять мыли полы и кафель. А Гриша мотался по квартире, ковырялся в книгах в своей комнате, потом смотрел телевизор и уснул перед ним, сидя в кресле. На дачу он ехать не собирался. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы Люба сегодня осталась на ночь. И он мучился, ну как ей сказать об этом, и украдкой наблюдал за ней.